

Мишка Вихров, ученик девятого класса, как многие мальчишки в начале семидесятых, всерьёз увлекался радиотехникой. А ещё он мечтал стать певцом — таким, как Магомаев, Хиль, Ободзинский... Оставаясь наедине, он часто пел, но... голоса у него совсем не было! Порой выходили хрипы и подмяукиванья — даже стыдно.

А Мишка мечтал надеть белую рубашку, причесать свою пышную шевелюру и с самодельным микрофоном (фабричный в сельском магазине было не достать) выйти на крохотную эстраду в школьном зале. И чтобы непременно среди зрителей сидела Ира, одноклассница, лучше — в первых рядах. Для неё он будет исполнять лирические песни, подражая Карелу Готту или Тому Джонсу — да всё равно кому, лишь бы у Мишки Вихрова был замечательный голос!

Вихров, заядлый радиолюбитель, своими руками собрал несколько приёмников: два ламповых и один карманный, который носил в школу на зависть одноклассникам. Собирался даже подарить один из них Ирине, но постеснялся. А ещё он собрал большой усилитель, к нему смастерил две колонки из разномастных динамиков. Через усилитель он прослушивал граммофонные пластинки, мечтал купить магнитофон, которые тогда только появлялись в продаже.

Вихров выписывал журналы «Юный техник», «Моделист-конструктор», а также взрослый и сложный журнал «Радио». Там-то он и нашел схему музыкального аппарата, позволяющего изменять голос певца, сделать его сочным, а также менять тембр, окраску звука. Что-то вроде современного караоке.

Эхо-сигнал! Прямой сигнал, задержанный сигнал! Как всё это заманчиво! И решил Вихров сделать себе именно такой «искусственный голос».

Он внимательно изучил схему ревербератора. Такая сложная работа была ему не под силу, да и деталей у него в запасе маловато. Надо смонтировать и спаять каскад звуковых генераторов, для этого требовалось как минимум двадцать ламп. Где их взять — в их посёлке-то?

«ЗОЛОТОЙ» МИКРОФОН

рассказ

Даже если купить лампы в городе, в Елец съездить, — у Вихрова нет столько денег, ведь на это ушла бы месячная зарплата его матери, работавшей медсестрой в детском отделении больницы.

И тогда Мишка Вихров решил обратиться к местному телемастеру-самоучке дяде Володе по прозвищу Бес, жившему на другой стороне улицы. Настраиваясь, выпил дома крепкого чаю, собрался с духом и пошёл.

Заказов дядя Володя получал много. Телевизоров у простого народа становилось всё больше, они часто ломались. Иногда поломки были пустяковые: заменить лампу, сгоревшую деталь — и тогда местные жители несли свои аппараты к Бесу, заранее ругая этого алкоголика и размышляя, починит или не починит.

А тут вдруг паренёк обнаружился в посёлке, который тоже занялся радиотехникой! Почему бы к нему не обратиться? Скупые старушки иногда приглашали на дом Вихрова, и, если поломка в телевизоре была несложная, он её исправлял. За это дядя Володя недолюбливал паренька: «Хлеб у меня отбиваешь, конкурент!»

Вихрову нечем было оправдаться — уж очень слёзно умоляла его тётушка Аксинья, которая, кстати, дальняя родня. Не мог он ей отказать, да и поломка пустяковая — штекер в антенне оторвался... Хотелось тогда Мишке злорадно напомнить: «Ты же, Бес, припаивал этот штекер, работу сделал небрежно. Наверное, как всегда, был под хмельком...»

И вот теперь Вихров, изрядно робея, поднимается на покосившееся скрипучее крыльцо, открывает тяжелую дверь в сени — она не заперта. Наверное, мастер ждёт очередных клиентов...

В сенях Вихров остолбенел, увидев штабеля телевизоров до самого потолка. Звякнули под ногами пустые бутылки — Бес, наверное, был в запое, это случалось с ним примерно раз в месяц и длилось неделю-другую. Бес объяснял эти срывы «сложной умственной работой». И это было правдой — он стал в районном посёлке незаменимым человеком!

Пройдя по узкому лабиринту между телевизоров, Вихров очутился в комнате, также зас-

тавленной техникой. Со скрипучей койки поднялась тощая фигура и, поправляя всклокоченные волосы, шагнула навстречу посетителю, шлёпая босыми жёлтыми ступнями по замусоренному полу. При этом дядя Володя ринулся вперёд, наклонив голову, потому едва не боднул Вихрова.

Мастер уставился на подростка мутными глазами, словно не узнавал. Повалил ногой одну бутылку на полу, нагнулся, поднял её, поглядел на свет, огорчённо поморщился: пустая!..

— А ты чего тут?.. — недовольно спросил Бес. — Опять, небось, за лампой пришёл?.. Учти, у меня лишних нету, сам достаю по блату в Ельце...

Вихров вздохнул, глядя на громоздившиеся вдоль стены «Рубины», «Рекорды», «Зарю».

— Видишь, сколько старухи натащили? Когда я их все буду чинить? Думают, у Володи сто рук!.. Ну ладно, починю, недаром меня прозвали Бесом! — он покачивался, изучал глазами Мишку Вихрова, спросил наконец доверительно: — А у тебя, парень, рубля полтора не найдётся? А то бы сбежал за портвейном — опять со вчерашнего мучаюсь...

Вихров, зная привычки дяди Володи, полез в карман, достал четвертинку самогона: накануне тайком залез в бабушкин сундук, отлил немного из трёхлитровой банки.

Бес обрадовался, схватил посудину, поставил её на прижжённую в нескольких местах клеёнку стола. Тут же валялся выключенный обгорелый паяльник, в чёрной консервной банке — жёлтые куски канифоли и оловянный припой. Рядом в алюминиевой миске лежали ссохшиеся солёные огурцы, на потемневшей от жира газете — подтаявшие кусочки сала.

— Молодец! — похвалил паренька дядя Володя. — Сейчас у нас дело пойдёт!

Подрагивающей рукой Бес налил самогона в треснутую чашку, торопливо выпил, закусил огурцом.

Спустя минуту на лице его, тронутым морщинами, появилось подобие улыбки.

— Лампу, значит, надо? Говори, какую, так и быть, поищу в своих запасах!

— Нет, не лампу. Я пришёл посоветоваться... — уточнил Мишка.

— Ну, советуйся!.. — хмыкнул дядя Володя.

— Ты хоть и мой конкурент, клиентов отбиваешь, но тебе помогу, что надо, подскажу — хоть по строчной развёртке, хоть по питанию кинескопа.

— Вот принёс журнал «Радио». В нём схема сложного аппарата! — Вихров достал журнал и раскрыл его на заложённой странице.

— Что это? — нахмурился Бес, которого в данный момент никакие схемы не интересовали, тем более сложные. Он мельком взглянул на рисунок, слегка прищурился, затем достал с полки треснутые очки с отломленными дужками, укрепил их на голове с помощью потёртой резинки, взгляделся в схему. Кашлянул, от самогонки его слегка развезло, так что Бес уже пребывал в благодушном состоянии. Перевёл взгляд с журнала на чекушку — там оставалось чуть больше половины, удовлетворённо крякнул. — Хорошая самогонка. Бабка, небось, гнала?

— Ага! — кивнул Мишка.

— Эта схема в журнале слишком сложная, её настраивать замучаешься! — вслух соображал Бес. — Тут катушечные фильтры и стабилизаторы... Кто будет наматывать катушки и трансформаторы? Где мы возьмем стабилизаторы?

Вихров огорчённо пожал плечами.

Бес почесал ладонью сидящий затылок. Половины зубов нет, да и те жёлтые, морщины на шее бурые, глаза слезятся от постоянной работы с паяльником. Несколько раз он забывал его выключить, стол загорался. Соседи замечали дым, валяющийся из форточки, спешили на помощь, — хорошо, что дом у дяди Володи никогда не запырался.

— Значит, артистом хочешь стать, коль мастеришь аппарат для пения?

— Ага! — признался Вихров.

— Хочешь, найду для тебя нормальный микрофон за трёшку? — предложил Бес.

— Хочу! — парень вспомнил, что у него в копилке лежат 2 рубля 34 копейки — оставшуюся сумму собрать недолго.

— Сделаем тебе «музыкальный ящик»! — уверенно пообещал Бес. — У меня, кстати, есть другая схема, более простая, но работает хорошо. Мы её с одним приятелем срисовали из чешского журнала. Я ведь жил когда-то в Сочи! Там у меня был друг — «лабух», — на ги-

таре хорошо играл. «Лаб-лаба-ба...» И пел. Голосок так себе. А с тем прибором, который мы собрали, пел он под Нечаева, Бунчикова и Георга Отса и рулады всякие выводил. Деньгу зашибали по ресторанчикам и кафе, потом завистники бутылкой по башне треснули, а аппаратик разбили... Зато схема сохранилась. Так что, — Бес озорно глянул на Мишку, — соберём музыкальный ящик заново!.. Друзья мне ещё в то время говорили: «У тебя, Володька, конструкторский талант!..» Я в радиотехнический институт хотел поступить, но грамотёнки не хватило. Аппарат тот, ну который разбили, нам с Жориком изрядное количество денег принёс. Называли мы конструкцию «Эхо-сигнал».

Дядя Володя пошарил в карманах, но ничего не нашёл, кроме трёх копеек. Досадливо крякнул, взглянув на Вихрова. Бес явно напрашивался на продолжение «банкета».

— У тебя деньги есть? — спросил он у парня.

— Дома в копилке два рубля тридцать четыре копейки... — признался Вихров и пообещал: — Я потом принесу, когда доберу до трёшницы.

— Неси сейчас, — распорядился Бес. — Я к бабке Дуне схожу, она налёт мне на два рубля... А потом сделаем тебе замечательный прибор под названием «Голос»!

Вихров обрадовался и пошёл было за деньгами, но Бес его притормозил:

— Но учти: прибор будем монтировать с одним условием! — добавил он. — Ты поможешь мне починить весь этот хлам! — и показал на штабеля телевизоров.

— Ладно! — согласился Вихров, мигом оценив огромный объём работы, накопившейся за время запоя Беса.

— Бабушки ходят на меня жаловаться — то в сельсовет, то в райком. Пишут письма чуть ли не в ЦК. Дескать, Вовка Бес взял чинить «телевизир», а сам не чиня и не чиня... — Бес артистически изобразил жалующихся на него старушек. — И всё они чего-то по телику смотрят, старые тетери. Нравятся им сериалы: «Четыре танкиста и собака», про Штирлица, и даже футбол наши бабушки смотрят. А мне некогда телик смотреть — все пальцы паяльником сжёт. Когда настраиваю телевизор, тогда немного и смотрю новости... — дядя Володя

показал Вихрову свои обожжённые, замотанные тряпицей пальцы левой руки.

Мастер допил самогон, качнулся, задев штабель телевизоров, — техника чуть было не посыпалась на пол, но вместе с Мишкой они с трудом её удержали.

— Иди за своими двумя рублями... — дядя Володя вздохнул, блуждая взглядом по столу, нашёл неисправный конденсатор, повертел его в руках, выбросил в корзину с мусором и повторил: — Иди уже, а!

«Сомневаюсь, что этот Бес сделает мне прибор!» — думал Вихров — чувял, что два рубля его пропадут зазря, но надел пальто и пошёл к себе.

Дядя Володя машинально откусил от огурца, вяло прожевал, опустился на табурет. Белёсые ресницы его лениво прикрылись: ещё минута-другая — и он заснёт за столом.

2

На следующий день после обеда Вихров вновь пришёл к Бесу, теперь уже со своим паяльником и вольтметром — предстояла большая работа: нужно было починить всю эту пропасть телевизоров.

И пошло-поехало! Для Вихрова поставили отдельный раскоряченный стол. Дело двигалось быстро, поломки в основном были несложные: сгоревшие сопротивления и «пробитые» конденсаторы, «севшие» радиолампы, иногда просто замена предохранителя, пайка отвалившегося контакта.

Отремонтированные телевизоры по три-четыре штуки грузили на большие деревянные санки, закрепив груз верёвкой, впрягались, словно бурлаки, и развозили по нужным адресам. На месте напарники сами затаскивали тяжелые ящики в дома, подключали к антенне, настраивали яркость и контраст изображения. Затем дядя Володя получал от заказчика три-пять рублей — в зависимости от сложности ремонта.

Бес в эти дни не пил — зарок дал! Вот, дескать, Миша, сделаем тебе твой «Голос» — тогда и «размагнитимся». Деньги дядя Володя каждый раз складывал в жестяную банку, запивая оловом, — чтобы не манилось открыть эту «кубышку» раньше времени.

И Бес с Вихровым брались за новую партию сломанных телевизоров. Вновь открывали задние стенки, смахивали паутину и пыль гусиными перьями. Дядя Володя во время работы постоянно курил «козьи ножки», щедро набивая их крупным табаком — знаменитая елецкая махорка! В доме стоял дым, смешанный с канифольным чадом паяльников.

Бес работал увлечённо, как в молодости, порой стискивая жёлтые от никотина зубы. Когда Вихров не мог разобраться в схеме, дядя Володя спешил на помощь, — вдвоём они быстро находили неисправность. В старом тёмно-синем халате в прожжённых дырках, с всклокоченными редкими волосами и дымящейся «козьею ножкой» в зубах дядя Володя и в самом деле походил на беса из какой-то сказки.

Скоро дошло дело и до обещанного «Голоса». Бес основательно покопался в своих запахах, подбирая нужные детали, — в его закромах нашлось всё. Изрядно покорпев, по той схеме из чешского журнала собрали наконец и Мишкин «Голос». Довольный дядя Володя оглядел музыкальный аппарат — оставалось опробовать.

— Ну, давай! — скомандовал Бес и приготовился настраивать устройство.

И Мишка запел — он и сам не понял почему — «Ой, мороз, мороз!» Голос Вихрова звучал сочно, глубоко и насыщенно, как у настоящего певца. Дядя Володя от Мишкиного пения даже прослезился. А может, ещё и от того, что ради такого случая выпил стакан мутноватого самогона — бутылка с бумажной затычкой стояла посреди стола, испещрённого ожогами от паяльника.

Вихров продолжал петь, держа возле рта пухатый позолоченный микрофон, который дал дядя Володя, — тот самый замечательный, чистоголосый микрофон, с которым тот «лабал» когда-то в приморских ресторанах, сшибая деньги.

3

— Зачем ты дружишь с этим алкоголиком? — спросила мать у Михаила, лицо её сделалось огорчённым.

— Дядя Володя сейчас почти не пьёт. Он мне помогает. Мы работаем, — Вихров мельком взглянул на пальцы левой руки — все в шрамах от паяльника, вздохнул. — Работа сложная, наматываем трансформаторы, проволоки не хватает...

Мать достала из шкафа белую рубашку, приготовленную сыну для школьного вечера, на котором будет демонстрироваться «Голос». Это была особенная рубашка — артистическая, как она сама говорила, — из тонкой материи, ослепительно белая, с пузырящимися легкими рукавами и высоким стоячим воротником. Мама сшила её сама из давно лежащего в запасах отреза, а ещё галстук-бабочку ярко-малинового цвета с блёстками — она празднично переливалась под светом лампы.

4

Едва Вихров и дядя Володя втащили тяжёлый ящик в школьный зал, уставленный рядами длинных лавок и уже заполненный зрителями, крики и смех затихли.

На задних рядах, где обосновались великовозрастные второгодники, раздался чей-то бабовитый окрик:

— Даёшь концерт!

Послышалось улюлюканье.

— Тише вы, черти! — проворчал дядя Володя.

Изо рта у него торчала смятая папироса.

Уборщица тётя Мотя, маленькая старушка, подбежала к незваному гостю:

— Ах ты, Бес непутёвый, да кто же тебе в школе разрешил курить?

Уборщица вырвала у Беса остаток дымящей папиросы, швырнула её на пол и затоптала валенком. Окурок прилип к подошве, и недоумевающая тётя Мотя смешно озиралась по сторонам. Ну правда, куда же он делся? А мальчишки хохотали, надеясь, что окурок рано или поздно прожжёт подошву валенка этой сердитой бабы.

— Сам Бес, ребята, явился, да ещё поддатый! Значит, будет настоящий концерт! — крикнул кто-то с конца зала.

В ответ донеслось:

— А Вихор-то, Вихор!.. Как согнулся-то в своем пальтишке, рукава белые торчат, паль-

цы трясутся. Поглядите-ка, ботинки летние напялил — небось, ноги замерзли!

— Не замёрз он ни капельки! Это перед Ирой выхваляется — вот, мол, какой я красавчик! — дразнил кто-то третий.

Мальчишки ещё какое-то время с интересом обсуждали «этих клоунов» — Вихрова и его приятеля Беса, а затем, попривыкнув, утихли. Ожидая концерта, от скуки они плевались в девочек жеваной бумагой и невесть откуда взявшимися горошинами.

Девчата оборачивались, грозили хулиганам маленькими кулачками, но сильно не обижались, лишь иногда ойкали после точного попадания горошины в ухо или в шею. Вихров и дядя Володя, спотыкаясь на деревянных ступеньках, с трудом заволокли тяжелый сундук на маленькую сцену; установив, начали подключать провода.

Мишка искоса поглядывал в зал. Ира сидела в первом ряду, она несколько раз странно, как Вихрову показалось, посмотрела на него из-под длинных, чуть подкрашенных ресниц. В уголках красивых губ затаилась насмешка, словно девушка была уверена в провале концерта.

На Ире была зелёная кофта из тёплой шерсти ручной вязки, под ней — фиолетовая блузка, длинную шею украшали новенькие под жемчуг бусы. Вихров обрадовался: нарядная — значит, готовилась к концерту.

А в третьем ряду сидела чуть полноватая рыжеволосая Майя Манцева — старшеклассница, не равнодушная к Вихрову, что там говорить — даже была влюблена в него! Да вот же она, эта Майя, в розовой кофточке. Шею Майи украшал кружевной воротник, похожий на старинное жабо, модное в каких-нибудь средних веках. Конечно, девушка не сводила глаз со своего кумира. Она тоже с нетерпением ждала начало концерта.

Мишка зашёл за кулисы, скинув драповое пальто, повесил его на вбитый в бревенчатую стену гвоздь. Затем вернулся на сцену, и зрители увидели белоснежную концертную рубашку с широкими рукавами. При взмахе рук они пузырились, раскрывались крыльями — казалось, это не юный певец, а молодой сокол, готовый взмыть в небеса! Чёрные лавсановые брюки с острыми, тщательно заглаженными

стрелками добавляли росту. А шею Вихрова кольцевал галстук-бабочка, оклеенный блёстками. Резинка слегка царапала кожу, но приходилось терпеть, ведь эффект был потрясающий: даже хулиганы с задних рядов не нашлись, как поддеть. И всё-таки это великолепие затмевал одесский «золотой» микрофон — типа того, с которым выступал сам Фрэнк Синатра.

Вихров изящным жестом держал его в правой руке, слегка поигрывая им, как подсмотрел в телевизоре. Микрофон длинным шнуром соединялся с музыкальным агрегатом.

Ира с некоторым изумлением смотрела на новоявленного солиста Михаила Вихрова. И все зрители ждали от него чего-то необыкновенного.

Дядя Володя тоже слегка принарядился: на нём были широкие брюки фасона двадцатых годов, причём почти без пятен — вычистил бензином, отчего они до сих пор источали машинный запах, а ещё старинный «артистический» пиджак с серебряными пуговицами, кое-где замененными обычными пластмассовыми.

— Включаю! — провозгласил Бес. — Давай, Мишка, пробуй звук!

Бес наклонился к электронному «сундуку», щёлкнул тумблером — внутри прибора раздалось гудение. Зал затаился, потом раздалось нетерпеливые аплодисменты, призывающие артистов начинать.

Внутри «сундука» загорались огоньки радиоламп, озаряя сцену розовым, почти волшебным светом. Дядя Володя вздыхал: большинство ламп было взято напрокат из старушечьих телевизоров, подлежащих ремонту, поэтому особой надежды на эти приборы не было.

5

Стараясь не глядеть на Иру, Вихров в белой Срубашке с важным видом вышел на середину сцены, не чувствуя прохлады плохо протопленного зала. Ему было жарко. Щёлкнул по микрофону ногтем — зал наполнили звуки мощных динамиков, будто из огромной бочки с ревущим отзвуком пронесли по притихшему залу. Кажется, всё в порядке!..

Была в этом звуке какая-то протяжная грусть, словно струна, — это работал эквалайзер, а с ним и прочие детали дядь Володиной схемы.

Вихров оглянулся: за кулисами стоял дядя Володя, в правой руке он держал уже откупоренную чекушку и весело подмигивал: мол, давай, Михаил, наяривай!

Вихров глубоко вздохнул, затем театральным жестом, как настоящий артист, откинул назад густые тёмные волосы. Золотой микрофон в его чуть дрожащей руке играл бликами под светом большой люстры из стекла.

На сцену вышла постоянная ведущая всех школьных торжеств, она же секретарь комитета комсомола Виолетта Лапушкина. Приземистая, в тонком свитере, с комсомольским значком на груди, она объявила, что сейчас выступит Михаил Вихров с новейшим изобретением, которое заменяет голоса эстрадных певцов.

Мишка решил начать с репертуара Муслима Магомаева. Зазвучало вступление известной песни «Не спеши». Зал замер. А Мишка запел — да как запел!.. На глазах некоторых наиболее впечатлительных слушательниц показались слезы... Затем исполнил «Будь со мной» того же Магомаева. Грянул шквал аплодисментов.

В задних рядах заулюлюкали, засвистели:

— Bravo, Вихор! Шпарь ещё!..

Мишка решил исполнить песню Ободзинского «Эти глаза напротив».

Взглянул на Иру. Девушка взмахнула длинными ресницами, на щеках её играл румянец. Было заметно, что она растрогана музыкой.

Дядя Володя, чуть покачиваясь, нажимал на кнопки, стараясь подобрать мелодию для новой песни, уже объявленной Вихровым.

И вновь наступила тишина.

Мишка запел. Из ящика полилась грустная мелодия, голос исполнителя удивительным образом преобразился. Теперь это был голос Ободзинского.

Пацаны с галёрки озадаченно раскрыли рты. Ира смотрела на Мишку, и глаза её по-особенному блестели, словно она готова была заплакать.

Самого юного артиста переполняло счастье! Словно крыльями, взмахивал он руками в такт мелодии, парусом развевались рукава его

рубашки. Голос его вибрировал, трепетал под фанерным, чуть провисшим потолком школьного зала.

Дядя Володя присел на табурет возле сундука и, хмельно шуря глаза, поправлял движок реостата, придавая мелодии нужный оттенок. Он машинально достал из кармана пачку «Беломора».

— Эй, Бес, дай папироску! — крикнул какой-то хулиган.

Тут же на сцене появилась неугомонная блондинка порядка тётя Мотя и стала трясти Беса за полы пиджака, даже оторвала серебряную пуговицу, на самом деле оказавшуюся алюминиевой.

Вихров, не обращая ни на кого внимания, подносил «золотой» микрофон к губам, распевая проникновенные строчки песни.

Майя Манцева от волнения шмыгала своим веснушчатым носом и откровенно любовалась Вихровым, то и дело всплескивая пухлыми ладошками. В правой руке у неё был кружевной платочек, она часто подносила его к глазам. И снова аплодисменты, задние ряды радостно ревели. Майя Манцева, уронив платок на пол, смахнула слёзы кончиком пушистой косы.

Песня была хороша, и Вихров был великолепен — галстук-бабочка сиял, переливался розовыми и серебристыми блёстками.

6

Неожиданно раздался треск, «сундук», управляемый дядей Володей, с хрипом завыл на разные голоса, заискрил, выпустил синий дымок и умолк. Наступила тишина. Вихров подул в «золотой» микрофон. В наступившей тишине это выглядело смешно.

В задних рядах заулюлюкали:

— Вот тебе и артист — на машину понадеялся...

— Блок согласования полетел... — ворчливо объяснил дядя Володя. — Плюс короткое замыкание в блоке питания. Как я не хотел впаивать эти бракованные конденсаторы, но других у нас не было. Да и ты, Мишка, торопил меня с концертом...

Дядя Володя торопливо достал из-за пазухи чекушку, отхлебнул для успокоения нервов. Зрители в зале, глядя на него, засмеялись.

Вихров машинально допел в микрофон остаток куплета, но голос его без усиления был едва слышен.

И снова публика громко рассмеялась.

— Эх ты, певец безголосый!..

Дядя Володя выдернул шнур из розетки — внутри ящика дотлевали огоньки и продолжал куриться дымок.

Снова прибежала тётя Мотя, заругалась на Беса:

— Уноси отседова свой «самовар», не дай бог сгорим!

Уборщица притащила откуда-то ведро с водой и выплеснула его на дымящийся «сундук». По залу пополз едкий пар, кто-то закашлял.

Вихров, понурив голову, продолжал стоять посреди сцены. Широкие рукава рубашки обвисли, как крылья подбитой птицы. От волнения он так сильно сжимал в ладонях заветный одесский микрофон, что пальцы побелели.

На сцену спасти ситуацию вышла комсомольская активистка Виолетта Лапушкина.

— Ничего, Миша, бывают непредвиденные случаи... — ободряюще улыбнулась она Вихрову и, обращаясь к залу, воскликнула своим ораторским голосом, который громче любого микрофона: — Товарищи школьники, прошу внимания!.. — Виолетта поморщилась от дыма, растворенного во влажном воздухе и оттого ещё более едкого. — Концерт по техническим причинам отменяется. Можете расходиться по домам. Кстати, вы успеете в Дом культуры. Там сегодня кино в девятнадцать ноль-ноль — «Три мушкетера».

Кто-то тихо воскликнул «ура!», и все толпой кинулись в раздевалку.

Ира, покидая зал, даже не взглянула на Вихрова, щеки её стали пунцовыми.

Оглушённый провалом Мишка, не выпуская из рук микрофона, по-прежнему стоял на сцене и сконфуженно смотрел на потёртый неровный пол под собой.

Неожиданно на сцену с каким-то странным криком, как залётная птица, легко запрыгнула полноватая Майя Манцева. В порыве восторга и сочувствия она с ходу обняла Вихрова, едва не повалив его на пол. Вихров тотчас почувствовал тепло её рук — так мать обнимает в те минуты, когда ребёнок грустит.

— Вот такую жену надо иметь! — воскликнул деловито дядя Володя. — А Ирка слишком из себя воображает...

Ира, ставшая свидетельницей этого, только презрительно фыркнула, поправила чёлку и быстрым шагом вышла из зала в коридор, где гомонила толпа малышей.

Дядя Володя огорчённо отрывал синие и красные провода от блока питания. Снова достал было чекушку, но тётя Мотя погрозила ему кулаком, и Бес тотчас поднял руки — сдаюсь!

Вихров успел почувствовать тепло и мягкость прижавшегося Майкиного тела. Он вдруг понял, что Майка и есть настоящий друг. Отчего-то Мишке захотелось, чтобы это тепло было с ним всегда. Может, и правильно? Если по-взрослому рассуждать, «на перспективу», то так выходит: пройдут годы и будет у него добрая рыжеволосая жена, чуть полноватая и тёплая, с веснушками на круглых щеках. Так и будет она «рыжей ведмичкой», как прозвали в классе, и такая же общительная и задорная.

— Манцева, ты ведёшь себя не по-комсомольски! — стараясь казаться строгой, тихо проговорила Виолетта Лапушкина и ушла.

Озадаченный событиями, Вихров вдруг ослаб, коленки у него затряслись, из глаз потекли слезы, как у провинившегося первоклассника. Из дрожащих рук на деревянный пол выпал драгоценный микрофон, сделанный когда-то на одесской фабрике по специальному заказу.

— Ты что делаешь, дурачок! — с отчаянием в голосе закричал дядя Володя. — Этот микрофон — моя молодость, память. Я берёг его как зеницу ока...

Заметив на щеках парня крупные слезы, Бес смягчился. Бормоча что-то под нос, он поднял микрофон и положил его в карман концертного пиджака, застегнув его на потускневшую серебряную пуговицу.

К Мишке стало возвращаться соображение, он наконец почувствовал, что в зале холодно. В летних, начищенных до блеска узких туфлях с тонкими подошвами ноги Вихрова мёрзли. Он пожалел, что не послушался родителей и не пошёл до школы в валенках. Перед концертом можно было переобуться в тридцатирублевые

новенькие туфли, купленные с рук на Елецком базаре, — Миша специально ездил за ними в соседний город.

— Майка, пойдём! — пробормотал Вихров и слегка подтолкнул стоящую рядом Манцеву.

Раскрасневшаяся Майя звонко рассмеялась и, глядя на него, воскликнула:

— Миша, ты гений!.. — глаза её блестели влажно и лукаво, мелодичный голос эхом звучал в опустевшем зале.

Стуча каблучками туфель, Майя побежала в раздевалку переобуваться в девчоночьи валенки, расшитые узорами. А Вихров и дядя Володя подняли «сундук» и понесли его на улицу. Привязав к широким саням, впряглись и привычно уже потащили аппарат домой к Бесу — в починку.

7

С концерта напарники направились домой по тёмной заснеженной улице. Луна только всходила, делая снег голубовато-серебристым.

Вихров тянул впереди, сзади дядя Володя управлял неуклюжими деревянными санками. На подстеленной соломе стоял «Голос», укутанный в мешковину и перевязанный верёвкой.

Ира вышла из школы, остановилась у калитки и некоторое время глядела вслед незадачливым музыкантам.

Вихров её тоже заметил. «Чего смотрит нам вслед?» — размышлял он.

Дядя Володя достал из кармана чекушку, оскользаясь на снежной колее, на ходу сделал несколько глотков, благожелательно крякнул.

— Ты как, дядь Володь? Помочь? — мрачно спросил Вихров.

— Не надо, мне легко... — чуть натужно произнёс дядя Володя.

Скрипнули полозья, обшитые железом. Под горку санки покатались сами. Дядя Володя малость покачивался, в голосе его появилась расслабленная весёлая хрипотца.

Новые туфли Вихрова топали по пушистому снежку. Мишка опять горевал, что не взял с собой валенки. Вот и на обратном пути ноги промёрзнут, а у него хроническая ангина. Какой уж тут голос?

Дядя Володя на все лады ругал старушек, таскающих к нему ненадёжные ламповые телевизоры. Вот и вышел конфуз! И всё из-за какой-то маленькой лампы. Надо было делать запасной канал звука с автоматическим реле!

— В следующий раз, Мишк, так и сделаем! — пообещал дядя Володя. — Ящик станет ещё больше, зато надёжнее! И ферритовые сердечники достанем, и медной проволоки хорошей купим. А на старушек наложу контрибуцию — не три рубля за ремонт, а четыре. Чего не сделаешь ради искусства! Кстати, Михаил, выдай мне за содействие обещанные рублики. Давай-ка сейчас, сразу загляну в вечерний магазин...

Вихров остановился, нашарил в карманах деньги, отдал свёрнутую вчетверо бумажку Бесу. Тот удовлетворенно крикнул.

В предвкушении выпивки дядя Володя заливался соловьём о перспективах развития отечественной промышленности: скоро, мол, будут выпускать транзисторы — и тогда наш аппарат никогда не сломается!

— Миша! Миша-а!.. — донеслось со спины.

Вихров обернулся — их догоняла Майя Манцева. Из-под её ладных расшитых валенок разлетался снег. Девушка уже была совсем близко. В сгущающейся зимней темноте заметна рыжая прядь, выбивающаяся из-под синей вязаной шапочки.

— Ты, Миша, замечательно пел, — чуть запы-

хавшись, выпалила она. — Я в восторге! Правда! И хочу снова тебя услышать!

— Ещё услышишь... — проворчал дядя Володя. — Погоди. Вот достанем десятка два транзисторов... Ещё как споём! Прогремим! Прославимся на всю область!

Остановившись, дядя Володя отхлебнул из бутылки, вытащенной из кармана, поперхнулся и закашлял, и всё равно закурил.

Майя ушла вперёд: белые валеночки с едва различимыми узорами мелькали на сумеречной тропинке, постепенно растворяясь в снежной крутоверти.

Дядя Володя, отбросив в снег дымящуюся папиросу, прибавил ходу, снова закричали полозья санок. Он догнал девушку и о чём-то с ней заговорил. Майя, отмахиваясь варежкой от снежинок, улыбалась. Она проводила на парников до переулка, затем неожиданно привстала на цыпочки, схватив Мишку за рукав пальто, потянулась веснушчатым носом и чмокнула в щеку:

— Ты замечательный артист, Вихров!.. — сказала вместо прощания и убежала.

□

Александр ТИТОВ

родился в 1950 г. в селе Красное Липецкой области, окончил Московский полиграфический институт,

Высшие литературные курсы.

Автор семи сборников прозы.

Публиковался в журналах «Подъём», «Волга», «Север», «Литературная учёба», «Новый мир» и др.

Дипломант литературного конкурса им. Н. Островского (1980),

Пятого Волошинского конкурса (2007),

финалист национальной литературной премии для детей и юношества «Заветная мечта-2008» за повесть «Ангелок»,

по мотивам которой снят полнометражный фильм «Ангел», Москва, киностудия «Ракурс» (2011),

лауреат областной литературной премии имени Е. Замятина (2010),

а также областной литературной премии имени И. Бунина (2011)

и премии областного липецкого журнала «Петровский мост» (2012).

